

Является ли оскорбительной лексема «хач»?

А.В. Флоря

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета

Пр. Мира, 15а, 462404, Орск, Россия. E-mail: alcestofilint@mail.ru

Статья посвящена исследованию лексемы «хач» в функциональном аспекте. В юрислингвистической практике часто приходится иметь дело с этнофолизмами. Лексема «хач» весьма типична для спорных текстов на этнические темы. Не для всех юрислингвистов очевиден его уничижительный характер. Мы считаем эту лексему оскорбительной и обосновываем нашу точку зрения. Автор статьи оспаривает фоносемантическую трактовку отрицательного отношения носителей языка к лексеме «хач»: она будто бы отталкивает своим звучанием, в отличие от имени Иван в той же функции этнонима. Автор статьи приводит примеры того, как имя Иван вызывает у русского человека неприятные эмоции, а также явно позитивные коннотации, связанные с именами, состоящими из тех же звуков, что и «хач». Нельзя также согласиться с мнением, что этноним «хач» объясняется теорией лакунарности, то есть тем, что для обозначения жителей Кавказа нет общеупотребительных слов. В русском языке есть слово «кавказец», которое вовсе не вышло из употребления, что подтверждает Национальный корпус русского языка. Лексема «Хачик» не уничижительна и является уменьшительно-ласкательной, если это имя собственное. Впрочем, говорящие избегают употреблять даже такую форму из-за ее негативных ассоциаций. Нарцательные варианты в качестве неофициальных наименований национальности или национальностей – это деликты, грубые нарушения речевого этикета. Кроме того, он не обязательно относится к определенному – армянскому – народу. Говорящий демонстрирует равнодушие к национальной принадлежности адресата. Кроме того, такие неофициальные этнонимы связаны со стереотипами, часто уничижительными для именуемых народов.

Ключевые слова: юрислингвистика, этнофолизм, оскорбление.

Is the Lexeme “Khach” Offensive?

A.V. Florya

Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch of) Orenburg State University

Mira St. 15a, 462404, Orsk, Russia. E-mail: alcestofilint@mail.ru

The article discusses the study of the lexeme “khach” in the functional aspect. In forensic linguistics practice, one often has to deal with ethnopholisms. The lexeme “khach” is quite typical of controversial texts on ethnic topics. Its derogatory nature is not obvious to all forensic linguists. We consider this lexeme offensive and support our point of view. The author of the article disputes the phonosemantic interpretation of the negative attitude of native speakers to the lexeme “khach”: it seems to repel with its sound, unlike the name Ivan in the same function of the ethnonym. The author of the article gives examples of how the name Ivan evokes unpleasant emotions in a Russian person, as well as clearly positive connotations associated with names consisting of the same sounds as “khach”. It is also impossible to agree with the opinion that the ethnonym “khach” is explained by the theory of lacunarity, that is, by the fact that there are no commonly used words to denote the residents of the Caucasus. Russian has the word “kavkazets” (Caucasian), which has not gone out of use at all, which is confirmed by the National Corpus of the Russian language. The lexeme “Khachik” is not pejorative but diminutive if it is a proper name. However, speakers avoid using even this form because of its negative associations. Generalized variants as unofficial names of an ethnic group or groups are delicts (torts), gross violations of speech etiquette. Moreover, it does not necessarily refer to a certain – Armenian – people. In addition, such unofficial ethnonyms are associated with stereotypes, often derogatory for the named peoples.

Key words: forensic linguistics, ethnopholism, abuse.

Юрислингвисты, занимающиеся экспертизами по делам об оскорблении на национальной почве, постоянно сталкиваются с наименованием «хач(и)».

Его негативная коннотация как будто не нуждается в доказательствах: «Для отрицательной оценки часто используются (...) номинации национальностей и групп населения: хачики – вместо армяне, азеры – вместо азербайджанцы, чурки – вместо уроженцы Средней Азии, жиды – вместо евреи и т. д.» [Баранов 2009: 458]. Эту лексему даже относят к «языку вражды»: «Полагаем, что в арсенале “языка вражды” находятся следующие категории лексических и фразеологических и соотносимых с ними единиц: номинации с негативным оценочным компонентом, характеризующие лицо или группу лиц со стороны национальности, религии, принадлежности к социальной группе (“чурбан”, “хач”, “русня”))» [Макаров 2015], а также к экстремистскому дискурсу: «К такого рода языковым средствам можно отнести слова или словосочетания, имеющие отрицательную эмоциональную окраску: жаргонные языковые средства, формирующие негативные, оскорбительные характеристики в адрес представителей национальных и расовых групп: хачи, жиды, нигеры (...)» [Коростелева 2015].

Она обычно включается в общий ряд с другими – явно оскорбительными – наименованиями: «Особого внимания заслуживает номинация групп лиц по их национальной и/или расовой принадлежности – “хачи”, «чурки», “черные” и т. п.» [Бердникова 2019]. (В этом мы многократно убеждались в своей исследовательской практике.)

Но, оказывается, ее негативный характер не всегда самоочевиден, и не всегда бывает легко его обосновать.

Строго говоря, оскорбление – не лингвистическая, а юридическая категория (подробнее см.: [Магерарова 2018; Зиянгирова 2019]). Лингвист может говорить о предпосылках оскорбления – уничижительных, презрительных и иных негативных коннотациях.

Итак, решаем вопрос, является ли лексема «хач» этнофолизмом, т. е. уничижительным названием народа – армянского (или народов – это отдельный вопрос).

Эта лексема не сразу вошла в обиход в окончательном виде. В словаре русского арго:

ХАЧА, -и, **ХАЧЕК**, -а, **ХАЧИК**, -а, м. Т. н. «лицо южной национальности», кавказец [Елистратов 2002].

В словаре М. А. Грачева лексема «хач» определяется следующим образом:

1. Коренной житель Кавказа, Закавказья или Средней Азии (*Скин., фан.*). Эти хачи на всех барахолках пасутся. (Зап. 1996). 2. Смуглый человек (обязательно с черными глазами).

ХАЧИК -а, м. – *Вон этот пацан тебе нравится? – Да, ты же знаешь, что хачики в моем вкусе!* (Зап. 1998) [Грачев 2007: 597].

Здесь важны следующие моменты:

1. Эта номинация не связана исключительно с армянским народом и имеет, таким образом, скорее расовый смысловой оттенок, чем национальный.

2. Эта номинация не сопровождается пометами эмоционально-оттеночного содержания. Указано только, что она имеет отношение к арго и к жаргону скинхедов и фанатов. Можно предположить, что, по крайней мере, у скинхедов эта лексема имеет отрицательную коннотацию. Но сама по себе, вне контекста, она не обладает негативной окраской, и, судя по последней цитате (*хачики в моем вкусе*), может употребляться и в положительном смысле. Впрочем, по нашему мнению, здесь есть оттенок превосходства. Употреблять этнонимы, даже не образованные от имен собственных, в уменьшительной форме, все же не принято: *грузинчик, молдаванчик, еврейчик* и др.

Конечно, нет ничего уничижительного в неэтикетных и диминутивных именах собственных – в именах людей, а не в этнонимах: *Хачик, Ванек, Сашок, Элик (Эльдар* – как во ВГИКе Г.М. Козинцев называл студента Рязанова) и т. п.

Итак, отметим важный момент: данные лексемы – *хач* и *хачик* – следует оценивать в контексте. Однако если они пишутся как нарицательные, их малоуважительная окраска очевидна.

Мы обратимся к одной из экспертиз, получившей известность в юрислингвистической литературе. Это публикация Г.В. Быковой «Оскорбительны ли слова “хачик”, “хач”?» [Быкова 2008].

Прежде всего Г. В. Быкова исходит из теории лакунарности. Лакуной (пропуском) называется отсутствие слова для названия какого-то явления или предмета. В таких случаях объект описывается выражением из нескольких слов. Г.В. Быкова считает типичной лакуной, когда люди, родившиеся и/или живущие на Кавказе, именуется «людьми кавказской национальности» (какой же? – А.Ф.), потому что для них нет названия-слова.

Заметим, что это не так. Например, в словаре Кузнецова:

КАВКАЗЦЫ, -ев; *мн.* Жители, уроженцы Кавказа. <Кавказец, -зца; *м.* Кавказка, -и; *мн. род.* -зок, *дат.* -зкам; *ж.* Кавказский, -ая, -ое [Кузнецов 1998].

В словаре Т.Ф. Ефремовой есть слова «*кавказцы*» (уроженцы, жители Кавказа), «*кавказец*», «*кавказка*».

Более того, это слово необходимо в силу системных отношений языка. В том же словаре дается прилагательное «*кавказский*» с такими объяснениями:

- Относящийся к Кавказу, *кавказцам*, связанный с ними.
- Свойственный *кавказцам*, характерный для них и для Кавказа.
- Принадлежащий Кавказу, *кавказцам*.
- Созданный, выведенный и т. п. на Кавказе или *кавказцами* [Ефремова 2000].

Слово «*кавказец*» необходимо для определения других – однокоренных – слов русского языка.

Г.В. Быкова упоминает слово «*кавказец*», но считает его устаревшим:

«До революции, когда царское правительство вело войну на Кавказе, использовалось слово *кавказец*, которое выражало концепт *живущий на Кавказе* или *военный, служивший на Кавказе*. Среди образованных людей нашего времени была попытка реанимировать однословное наименование *кавказец* для обозначения концепта *лицо кавказской национальности*».

То есть она не отрицает, что это слово пытались «реанимировать». Но, возможно, его не прекращали использовать?

В НКРЯ [НКРЯ URL] представлено огромное количество примеров со словом «кавказец», относящихся к последним 30 годам:

У мангала в такой же фундаментальной неподвижности стоял темнлицый усатый кавказец, время от времени снимавший с огня готовую порцию мяса [Дмитрий Быков. Орфография (2002)].

Стоящий у другого окна охранник с автоматом – небольшой красивый кавказец, видимо чеченец, похожий на молодого Кларка Гейбла... [Евгений Евтушенко. Волчий паспорт (1999)] и мн. др.

Более ранние примеры:

Вы же имеете несомненное преимущество, потому что в Ваших этюдах о поэтах Вы сами выступаете и как кавказец, человек, близкий по духу к их поэтическим вдохновениям, и как писатель – большой любитель и знаток поэзии, живо чувствующий тот внутренний мир, в котором рождаются стихи [С.А. Дангулов. Тихонов (1981)].

Действительно, захоз гостиницы, мощный кавказец, обладатель точеного подбородка и очень выпуклых глаз, с которым Анька уже целый месяц «заполняла наряды», ждал ее в дверях своей комнаты [Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975-1977)].

По запросу от 14.04.2021 г. найдено 211 документов, 366 вхождений только словоформы «кавказец» в Им. пад. ед. ч. Другие грамматические формы этого слова мы проверять не стали. Уже по этим примерам ясно, что слово «кавказец» сейчас употребляется достаточно широко, употреблялось и раньше (в советские времена), причем без отрицательных коннотаций.

Затем Г.В. Быкова сообщает, что «экспрессивно-негативное однословное наименование *хачик (хач)* – от распространенного армянского имени *Хачик*», и задает вопрос:

«Казалось бы, ничего оскорбительного в этом нет: называет же весь мир русского мужчину Иваном, почему бы не использовать с такой же целью имя Хачик для обозначения мужчины родом с Кавказа и Закавказья? (Кстати, большинство использующих данное слово не соотносят его с именем собственным, т. е. не знают, что это имя собственное)».

Иными словами, наименование «Иван» для русских она не считает оскорбительным или обидным.

Так ли это? Приведем два фрагмента.

– (...) *Слушайте, а почему вы меня зовете Иваном?*

– *Для меня все русские Иваны. Это же замечательно, когда нацию определяют именем. Нас, например, Джонами не называют, а жаль.*

– *Почему?*

– *А потому что мы идем враскосяк, каждый за себя, в нас нет общей устремленности. Вы же монолит, как вам скажут, так и поступаете.*

– *Толстого перечитайте, Пол, Достоевского... Не надо считать нацию сборищем баранов, бессловесно исполняющих приказ. Читайте русскую литературу.*

(Ю. Семенов. ТАСС уполномочен заявить)

Русский человек (Виталий Славин) не то чтобы оскорбляется на слова американского журналиста Пола Дика, отнюдь не враждебного советским людям, хотя критически настроенного по отношению к СССР. Но отмечает в реплике Пола весьма уничижительный смысл, который формулирует так: «*Не надо считать нацию сборищем баранов, бессловесно исполняющих приказ*». Сам Пол не считает свои слова обидными.

Другой фрагмент – оттуда же:

– *Слушайте, Вит, с этим русским пока все не понятно, меня...*

– *Вам непростоительно, – перебил Славин, – говорить «с этим русским».*

– *Как у вас это называют? «Великодержавным шовинизмом»? – улыбнулся Пол. – Не сердитесь, у меня плохо с произношением русских фамилий.*

– *Никогда не признавайтесь в этом, Пол, вас обвинят в низком профессионализме, газетчик должен знать имена своих противников – даже если они трудно произносимы. Мы, например, хорошо помним имена наших врагов.*

Эти два фрагмента хорошо иллюстрируют речевую ситуацию, когда высказывания по поводу национальной принадлежности по-разному воспринимаются говорящим и слушающим, относящимися к разным народам. Американец Пол Дик не считает свои слова предосудительными и обидными и даже (в первом случае) пытается представить их как форму уважения. Славин, симпатизирующий ему, не согласен с ним.

Таким образом, уже формулировка «*этот русский*» вместо фамилии (Зотов) воспринимается как довольно неуважительная. Это наименование входит в противоречие с общим смыслом ситуации. Зотова пытаются обвинить в шпионаже, Пол Дик подозревает здесь провокацию против него. Фразой «*С этим русским не все понятно*» он фактически говорит: «Я не доверяю официальной версии, что этот человек (Зотов) – шпион».

Недостаточное уважение проявляется в нежелании выяснять, как человека зовут на самом деле, и использовать его имя, как неудобное для произношения.

Тем более обидны заявления типа «*Для меня все русские Иваны*», «*Как вам скажут, так и поступаете*». Говорящего не интересует, каковы русские на самом деле.

Теперь вернемся к статье Г.В. Быковой.

«Однако на уровне подсознания слова *Иван* и *Хачик* не являются равнозначными. Дело в том, что «две национальные культуры никогда не совпадают полностью. Это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов» (Комлев, 1966, с. 43-50). То, что в одной культуре воспринимается как нечто хорошее, приятное, в другой может вызывать прямо противоположные впечатления, ощущения (т. е. ассоциации)».

Исследовательница даже подчеркивает курсивом наиболее важное для нее уточнение: «*на уровне подсознания*». Это, на наш взгляд, ставит под сомнение корректность ее дальнейших рассуждений. В них возникают элементы субъективности.

Мы согласны с тем, что одни и те же слова и др. могут в разных культурах вызывать различные и даже противоположные ассоциации. Но *могут* – не значит *всегда* и *обязательно* вызывают.

Далее у Г.В. Быковой следует аргументация с опорой на фоносемантику. Звучание имени *Иван* у русских людей вызывает положительные эмоции, а «распространенное армянское имя *Хач* (*Хачик*) неслучайно выбрано носителями русской жаргонной подсистемы в качестве обозначения *лиц кавказской национальности* с негативной эмоциональной оценкой, потому что на уровне подсознания данный звуковой комплекс производит впечатление чего-то *отталкивающего, страшного, шероховатого, угловатого, темного, низменного, грубого* и т. д.».

Проведем эксперимент – охарактеризуем с точки зрения фоносемантики по таблицам А.П. Журавлева [Журавлев 1974] диминутивный (уменьшительно-ласкательный) вариант имени Александр – *Саша*. В скобках даны степени проявления того или иного качества. Около и более 1 – качество выражено достаточно сильно.

Звук [с] – светлый (0,7), нежный (0,58), медлительный (0,5), тихий (0,8), минорный (0,6), печальный (0,54), устрашающий (0,25), зловещий (0,91).

Звук [ш] – медлительный, тихий (1,7), минорный (1,01), печальный, темный (1,45), тяжелый, тоскливый, угрюмый, устрашающий (1,17), зловещий.

Итак, имя *Саша*, судя по согласным, должно для русского слуха звучать как печальное, мрачное с ярко выраженными оттенками угрозы. Что мешает такому восприятию? Может быть, звук [а]?

Звук [а] – прекрасный (1,48), светлый, нежный, радостный, возвышенный (1), бодрый, яркий, сильный, суровый. Он есть и в имени *Хач* (*Хачик*), то есть должен и в нем нести положительные коннотации.

Итак, если имя *Саша* не производит на носителей русского языка мрачного и угрожающего впечатления, то почему его должны производить варианты *Хач* и *Хачик*? (Первая – сокращенная, вторая – уменьшительно-ласкательная.)

У одного из самых обаятельных героев советского кино – шофера Рубика из «Мимино» Г. Данелия – была фамилия *Хачикян*, и никому не приходило в голову усматривать в ней что-то «отталкивающее, страшное» и т. п. По ходу сюжета Рубика в гостинице перепутали с профессором *Хачикяном*.

Возможно, Г. Данелия таким образом намекает на распространенность и репрезентативность этой фамилии – как если бы русского шофера *Иванова* перепутали с профессором *Ивановым*. Для синекдохического обозначения русских не случайно выбрано имя *Иван*, и, вероятно, так же не случайно для обозначения армян выбраны производные от имени *Хачатур* (или от фамилии *Хачатурян*) – *Хач* и *Хачик*. Фамилия *Хачатурян* образована от одного из крестильных имен и означает: «носитель креста» [Унбегаун 1989: 286], таким образом, имя *Хачатур* имеет самое почтенное происхождение. Мы полагаем, что ничего оскорбительного не содержат и его варианты.

Как видим, приведенные Г.В. Быковой аргументы не подходят для обоснования оскорбительности употребления этих имен. Тем не менее они действительно воспринимаются как негативные.

Таким образом, Г.В. Быкова считает, что лексемы *хач* и *хачик* оскорбительны, но для обоснования этого положения прибегает к фоносемантике, действующей (будто бы) на подсознание.

Из этого вытекают некоторые неконструктивные следствия.

1. Такой подход выводит юрислингвистику в сферу чрезмерно субъективного, хотя именно для этой науки, от которой зависят человеческие судьбы, требуется четкость, корректность и объективность критериев.

2. Также данный подход делает последствия речевого общения непредсказуемыми и расширяет возможности юридического произвола. Например, я назову ученика или соседского ребенка *Сашей*, а он оскорбится, потому что ему звучание этого имени покажется мрачным и угрожающим.

3. С другой стороны, такой подход подрывает возможность оценить ответственность людей за свои слова. Люди не носят с собой таблицы Журавлева, не заглядывают в них, чтобы оценить степень негативности звучания слов, которое может травмировать собеседника. Поэтому человек, явно желающий оскорбить кавказцев, называя их *хачами*, всегда может возразить: «А почему я должен знать, какое фоносемантическое впечатление производит наименование *хач*?» И он будет прав.

Тем не менее, носители языка чувствуют, что *хач* и *хачик* воспринимаются негативно.

Сделаем еще одно уточнение: совершенно по-разному воспринимаются имя собственное *Хачик*, использованное в отношении знакомого по имени *Хачатур*, и нарицательное *хачик* как неофициальный этноним. Но мы допускаем даже, что первое скомпрометировано вторым и что русские могут воздерживаться от именования *Хачиками* Хачатуров – друзей или детей. Но это касается только диминутива. Не имеющая диминутивного суффикса лексема *хач* – безусловно, не имя человека, а этноним, причем довольно грубый.

Вернемся к цитате из А.Н. Баранова, уже в полном виде. «Для отрицательной оценки часто используются альтернативные по отношению к нейтральным номинации национальностей и групп населения: *хачики* – вместо *армяне*, *азеры* – вместо *азербайджанцы*, *чурки* – вместо *уроженцы Средней Азии*, *жиды* – вместо *евреи* и т. д.» [Баранов 2009: 458]. Однако этот набор наименований показывает, насколько они неоднородны. *Хач(ик)* – синекдохическое употребление человеческого имени, *азер* – апокопа, сокращенное название национальности, *чурка* – вульгарно оскорбительная характеристика человеческих качеств (тупость, примитивность, якобы присущие данным этносам), *жид* – искаженный этноним, давно ставший уничижительным. Здесь трудно установить единый критерий, по которому мы относим их к отрицательным номинациям.

Но А.Н. Баранов подсказывает один объективный признак, на который можно опираться. Это номинации, *альтернативные* по отношению к нейтральным. Этот признак не достаточен, но необходим. Его можно сформулировать еще иначе: несоответствие речевому этикету (речевой этикет – не обязательно нейтральная форма речи).

Скажем еще несколько слов об «Иванах». Эта номинация, при некоторой уничижительности, имеет коннотацию уважения, которое испытывает говорящий вопреки собственным ожиданиям.

Например, в шлягере «Лили Марлен» Г. Ляйпа в переводе И. Бродского:

Лупят ураганным – боже помоги!

Я отдам Иванам шлем и сапоги,

Чтоб разрешили мне взамен

Стоять вдвоем под фонарем

С тобой, Лили Марлен.

Солдат вермахта проявляет личную слабость, он готов сдаться «Иванам», от которых он раньше не ожидал, как они умеют воевать.

Еще ярче этот смысл проявляется в цитате из И.Л. Андроникова:

*Аллегорично название и другой ленты – «Иван». Имя одного человека, ставшее нарицательным в дурном смысле, заново переосмыслено Довженко: «Вот на что способны Иваны» («Поэзия Довженко»), т. е. на героические трудовые свершения: фильм – о строительстве Днепрогэса. Здесь имя *Иваны* дано от имени западных недоброжелателей Советского Союза.*

Зато явно уничижительную коннотацию имеют неэтикетные названия народов, как, например, *Ванька*, вариант с диминутивом – уменьшительным, но не ласкательным суффиксом.

Мы народ Ванек-встанек

Нас не бог уберег.

Нас давили, топтали

Столько разных сапог.

Они знали: мы Ваньки,

Нас хотели покласть,

А о том, что мы встаньки,

Забывали, платясь.

В этом тексте Е. Евтушенко («Ванька-встанька») еще содержится смысл национального уважения. «*Ванька-встанька*» годится даже для агнонима (неофициального наименования нации), но это возможно только с компонентом «*встанька*» (*Мы народ Ванек-встанек*), а без него обладает исключительно презрительной коннотацией (*Они знали: мы Ваньки* – так думали надменные враги).

И вовсе откровенно уничижительно выглядит диминутив в песне про капитана Каталкина (В. Маликов) – антипода комиссара Каттани:

Мы, сеньори, скузи, тоже не Ванькí,

Есть у нас в Союзе круче мужики.

Тогда не Ванькí – значит не примитивные, не лаптем щи хлебаем и т. п.

Ванек, от которого образованы *Ванькí*, – такой же неэтикетный и диминутивный вариант имени *Иван*, как *Хачик* – вариант имени *Хачатур*.

Далее Г.В. Быкова, пытаясь выйти на объективную стезю, ссылаясь на различных авторов, высказывает мысль, не вызывающую возражений:

«Восприятие и усвоение информации зависит от готовности людей принять ее воздействие. (...) В условиях социальной нестабильности, обычно после событий, вызвавших мощный негативный резонанс в обществе (например, война в Чечне, террористические акты, спровоцированные кавказскими боевиками, или накануне каких-то значительных общественных или экономических изменений), когда повышается внушаемость отдельных слоев населения (а сейчас это пенсионеры и молодежь как самые социально незащищенные), ассоциативные реакции на отдельные слова могут актуализироваться».

Иначе говоря, на отрицательное восприятие отдельными слоями населения лексем *хач*, *хачик* влияет не только звучание этих лексем, но и социальные условия. К этим социальным условиям мы бы добавили соответствующий уровень культуры и воспитания тех, кто готов испытывать неприязненные чувства к армянам, кавказцам как таковым.

И.А. Стернин, излагая материалы для психолингвистического толкового словаря современного русского языка, констатирует, что лексемы *хач* и *хачик* употребляются в различных контекстах то как презрительные, то как неодобрительные (то есть, вероятно, это связано в первом случае с их общим восприятием, во втором – с их делами). Есть еще *хачонок* – разговорно-сниженное, бранное [Стернин 2013].

Таким образом, можно сделать вывод, что общее восприятие этих лексем – несомненно отрицательное, но характер, степень их негативности (сниженное, бранное, неодобрительное, презрительное) зависит от контекста.

Но почему же эти лексемы следует воспринимать как отрицательные? Это нам помогут установить приведенные выше примеры из романа Ю. Семенова «ТАСС уполномочен заявить», где честный и порядочный американский журналист, не настроенный враждебно по отношению к русским людям, называет их *Иванами*. Это не язык вражды, однако он вызывает протест у его русского собеседника. Пол Дик выражает не враждебность, не презрение к русским, но определенное высокомерие. Он транслирует на русских американские стереотипы (предрассудки, заблуждения): «Вы же монолит, как вам скажут, так и поступаете». На что Славин довольно резко ему отвечает: «Не надо считать нацию сборищем баранов, бессловесно исполняющих приказ», хотя Пол не говорил ни о каких «баранах».

Главное здесь, впрочем, не предрассудки и стереотипные взгляды на ту или иную нацию, которые практически неизбежны, а *нежелание знать* подлинное положение вещей в связи с этим народом.

Также необходимо обратить внимание, что Пол Дик говорит о русских, называя их *Иванами*, но не задумывается, что есть советские люди разных национальностей. Более чем вероятно, что украинцы, белорусы или даже молдаване для него такие же «русские Иваны».

Людям бывает весьма обидно, когда игнорируется их национальная идентичность (мы не утверждаем, что это свойственно всем, но такая закономерность существует), особенно когда это делается демонстративно («я не просто не знаю, но не желаю знать»). Лексемы *хач*, *хачик* нередко употребляются именно в таком контексте.

Разумеется, это унижение человеческого достоинства – одна из форм *вербальной агрессии* [Щербинина 2006], но еще не *языка вражды*.

Итак, резюмируем.

1) Следует различать имя собственное *Хачик* и неофициальный этноним *хачик*. Недиминутивный вариант *хач*, особенно пишущийся со строчной буквы, – только этноним.

2) Наименование кавказцев не является лакуной и не требует восполнения из жаргона.

3) Лексемы *хач* и *хачик* имеют жаргонное происхождение.

4) Эти лексемы репрезентативны. Определенная (малотолерантная или просто невоспитанная) часть населения не называет всех армян (или всех кавказцев) *Рубиками*, *Гариками* или *Фрунзиками*, но по какой-то причине называет *Хачиками*.

5) Эти лексемы являются деликтами (нарушениями цивилизованной речевой коммуникации), из чего еще не следует, что они оскорбительны. Они относятся к деликтам потому, что происходят из жаргона.

6) Эти лексемы приобретают уничижительный оттенок в контексте, который прежде всего связан с высокомерием, пренебрежением к народу (народам) и с навязыванием стереотипов – как правило, ложных.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2009.

Бердникова Т.В. Семантика слов с элементом черн- и их оценка при проведении лингвистической экспертизы (на материале комментариев интернет-пользователей) / Юрислингвистика. – 2019. – № 12. – С. 18-21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-slov-s-elementom-chern-i-ih-otsenka-pri-provedenii-lingvisticheskoy-ekspertizy-na-materiale-kommentariev-internet-polzovateley/viewer>.

Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. URL: <http://gramota.ru/slovari/>

Быкова Г.В. Оскорбительны ли слова «хачик», «хач»? / Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, Барнаул, 2008. С. 292-297. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorbitelny-li-slova-hachik-hach-1/viewer>.

Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2007.

Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/>

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://traduko.lib.ru>.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.

Зиянгинова Е.Л. Юридизация лексем естественного языка как один из основных процессов терминологической лексики метаязыка юрислингвистики / Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 1. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridizatsiya-leksem-estestvennogo-yazyka-kak-odin-iz-osnovnyh-protsessov-terminologicheskoy-leksiki-metayazyka-yurilingvistiki/viewer>.

Коростелева Т.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллюстрация, прагматика / Юрислингвистика. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-priznaki-illokutsiya-pragmatika/viewer>.

Магеримова Ю.Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» / Научный диалог. – 2018. – №7. – С. 93-102. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-lingvisticheskie-protivorechiya-v-traktovke-ponyatiya-oskorblenie/viewer>.

Макаров В.И. Национальные прозвища в зеркале контекста / Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prozvischa-v-zerkale-konteksta/viewer>.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

Стернин И.А. Неполиткорректные наименования лиц в языковом сознании носителя языка / Политическая лингвистика. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepolitkorrektnye-naimenovaniya-lits-v-yazykovom-soznanii-nositelya-yazyka/viewer>.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.

Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М., 2006.

References

- Baranov, A.N. (2009). Linguistic examination of the text. Moscow (in Russian).
- Berdnikova, T.V. (2019) Semantics of words with the element black- and their evaluation during linguistic expertise (based on the comments of Internet users). *Legal Linguistics*, 12, 18-21. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-slov-s-elementom-chern-i-ih-otsenka-pri-provedenii-lingvisticheskoy-ekspertizy-na-materiale-kommentariev-internet-polzovateley/viewer> (in Russian).
- Bykova, G.V. (2008). Are the words “khachik”, “khach” offensive? *Jurislinguistics-9: Truth in language and law: interuniversity collection of scientific papers*. Kemerovo, Barnaul, 292-297. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorbitelny-li-slova-hachik-hach-1/viewer> (in Russian).
- Efremova, T.F. (2000). *New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational*. Moscow. Available from: <http://traduko.lib.ru> (in Russian).
- Elistratov, V.S. (2002) *Dictionary of Russian Argot (materials 1980-1990)*. Available from: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (in Russian).
- Grachev, M.A. (2007). *Dictionary of modern youth jargon*. Moscow (in Russian).
- Korosteleva, T.V. (2015). Extremist discourse: signs, illocution, pragmatics. *Legal Linguistics*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-priznaki-illokutsiya-pragmatika/viewer> (in Russian).
- Large explanatory dictionary of the Russian language (1998). / Ch. ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg. Published in the author's edition in 2014. Available from: <http://gramota.ru/slovari/> (in Russian).
- Mageramova, Yu.Yu. (2018). Legal and linguistic contradictions in the interpretation of the concept of “abuse”. *Scientific Dialogue*, 7, 93-102. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-lingvisticheskie-protivorechiya-v-traktovke-ponyatiya-oskorbleniya/viewer> (in Russian).
- Makarov, V.I. (2015). National nicknames in the context mirror. *Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prozvischa-v-zerkale-konteksta/viewer> (in Russian).
- National corpus of the Russian language. Available from: <https://ruscorpora.ru/new/> (in Russian).
- Shcherbinina, Yu.V. (2006). *Verbal aggression*. Moscow (in Russian).
- Sternin, I.A. (2013). Politically incorrect names of persons in the linguistic consciousness of a native speaker. *Political Linguistics*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepolitkorrektnye-namenovaniya-lits-v-yazykovom-soznanii-nositelya-yazyka/viewer> (in Russian).
- Unbegaun, B.O. (1989). *Russian surnames*. Moscow (in Russian).
- Zhuravlev, A.P. (1974). *Phonetic meaning*. Leningrad (in Russian).
- Ziyangirova, E.L. (2019). The juridification of natural language lexemes as one of the main processes of terminological vocabulary of the metalanguage of legal linguistics. *Bulletin of Bashkir University*, 1, 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridizatsiya-leksem-estestvennogo-yazyka-kak-odin-iz-osnovnyh-protsessov-terminologicheskoy-leksiki-metayazyka-yurislingvistiki/viewer> (in Russian).

Citation:

Флоря А.В. Является ли оскорбительной лексема «хач»? // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 37-43.

Florya A.V. (2022). Is the Lexeme “Khach” Offensive? *Legal Linguistics*, 23, 37–43.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License